

RUSSIAN LANGUAGE ABROAD IN THE NINETEENTH CENTURY: THE GRAVESTONE OF MAJOR GENERAL S. S. GOTOVTSSEV AND THE KNOWLEDGE OF RUSSIAN IN SWEDEN

The article contains an analysis of the inscription on the gravestone of Major General S. S. Gotovtsev (1769–1809), preserved in the church of Bygdeå in Sweden. Initially, the author provides some information on the history of Russo-Swedish relations, mainly of the 18th-19th centuries, and describes the role of interpreters in military conflicts. The author also points to the importance of some grammatical works on the Russian language, published in Swedish. The author sketches a portrait of Major General S. S. Gotovtsev, a military leader during the Russo-Swedish war of 1808–1809. In the article, particular attention is paid to the paleographic analysis of the text on the gravestone: stylistic features of the inscription, analysis of spelling, and distortion. The paper ends with some tentative conclusions concerning the level of knowledge of Russian in Sweden in the early nineteenth century outside the central administration. The author uses some illustrations from his personal collection.

Russian-Swedish War of 1808–1809, military history, language picture of the world, source studies, paleography, graphics, orthography.

УДК 81'42

А.Л. Факторович

Кубанский государственный университет

СООТНОШЕНИЕ «ГОЛОСОВ» ПРИ ПОЛИФОНИИ В НЕМЕДИЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена полифонии в немедийной политической коммуникации. Систематизируются типы специальных полифонических корреляций. Предпосылки взаимодействия «голосов» характеризуются в связи с прагматическими установками. Имплицитные смыслы отмечаются как релевантная и типичная черта немедийной сферы, а смысловая емкость описывается в соотнесении с политическими приоритетами.

Голос, имплицитный смысл, конструкция, контраст, корреляция, немедийный, политическая коммуникация, полифония, противопоставленный.

Для политической коммуникации характерна взаимосвязь между внешне контрастными тенденциями, в том числе лингвистическими [20]. С одной стороны, для этой сферы типична четкая целенаправленность интенций, достижение программируемых эффектов, определяемых феноменами власти, интереса, социальных сил и приводящих к некоторой одномерности. С другой же стороны, в реальной политической коммуникации, часто даже в сжатых ее фрагментах, сосуществуют, взаимодействуют крайне многогранные прагматические устремления, налицо своеобразная разноголосица. Причем в немедийном пространстве, без опосредования СМИ, такое соединение установок может оказываться особенно заметным, первозданным, ярким, свежим в эмпирическом плане. Отмеченный контраст установок закрепляется разнообразными лингвистическими проявлениями (см.: [23]). Правомерен вопрос о том, как именно организованы контрастные установки, какова категориальная опора их специфической системности. Объясняя контрастное единство целенаправленности и разноплановости, уместно использовать понятие «полифония».

Цель предлагаемой статьи – определить специфику полифонии в немедийной политической коммуникации. Специфика характеризуется в аспекте категоризации объектного пространства, и этот аспект сжато иллюстрируется эмпирическим материалом.

Целесообразны два предварительных уточнения категориального характера. Первое заключается в конкретизации понятия «полифония» для филологической характеристики политической коммуникации. Полагаем, что «многоголосие», впервые терминованное в традициях М.М. Бахтина в применении к художественной литературе, может сохранять лингвистическую определенность на материале анализа иных сфер. Исследовательская практика подтверждает такую возможность. Показательный пример – кандидатская диссертация Е.В. Постевой (2015) на примере медийной коммуникации, в том числе политической, в которой последовательно рассматриваются дискурсивные голоса, их взаимодействие – как закономерное многоголосие, отвечающее сути политического общения (см.: [16, с. 64], п. «2.1. Интродуктивный предикат как способ ввода дискурсивного голоса

журналиста или другого лица» – другим лицом нередко является политик). Причем соотносительность «полифония – коммуникация» обобщает двойную направленность связи. Это и полифония **В** коммуникации, т.е. представленная реализованными языковыми, речевыми единицами, носителями «многоголосых смыслов», и в то же время полифония данного коммуникативного пространства как его атрибут.

Второе уточнение касается различий между полифонией в двух сферах: в немедийной политической коммуникации и в медийной. Их соотношение не является отдельной задачей статьи; однако, опираясь преимущественно на положения Н.Ф. Пономарева [15], можно отметить, что в немедийной коммуникации полифония в большей степени нацелена представить непосредственно «стыковое» взаимодействие разноплановых «голосов», нежели в медийной. Это вызвано, по-видимому, такой особенностью природы немедийной политической коммуникации, как способность отразить первоначальную политическую стихию – возможно, как «упорядоченный хаос», выступающий параметром порядка и не скованный ни медийными стандартами, ни даже медийной динамикой [6, с. 81].

Целесообразно также отметить проблематику немедийной политической коммуникации в свете актуального положения о медийной: применение к ней корреляции «событие – факт – оценка» позволяет показать, «почему при формировании информационного пространства в принципе не исключены в дискурсе масс-медиа “переиначивание” событий, актуализация “не-событий” или замена одних фактов другими» ([11, с. 71]; см. там же на с. 64 о существенности в этом плане трех видов дискурса, включая политический).

Предполагаем расширенную объяснительную силу данного приоритетного обобщения, а именно объяснение того, что и в немедийной политической коммуникации принципиально возможно, например, «переиначивание» событий.

Репрезентативный материал – речь яркого и неоднозначного англоязычного политика, лидера консерваторов, премьер-министра Великобритании М. Тэтчер на конференции Консервативной партии; речь прозвучала в Брайтоне 10 октября 1980 г. (Она представлена в приложении к изданию текстов М. Тэтчер: *Стратегии для меняющегося мира / Strategies for a Changing World*. L.: HarperCollinsPublishers, 2009, также в русском переводе В. Ионова под ред. Е. Харитоновой – оригинал и перевод на сайте www.booksgid.com, куда текст был помещен и сохраняется с разрешения руководства официального веб-сайта Фонда М. Тэтчер margaretthatcher.org. Дата обращения 12.11.2015. В некоторых редакциях указанная книга именуется иначе, с незначительными отличиями.)

Анализируемая далее речь зафиксирована в партийных документах, но намеренно не представлена в СМИ. Для нее характерны определенная обособленность от медийного пространства и обращенность непосредственно «к своему кругу» (ср.: [8, с. 117]). А именно – к политическим единомышленникам, относительно многочисленным, концептуально солидарным, но отчасти и различным.

Основной аспект характеристики – рассмотрение категоризации объектного пространства. Исходим из того, что возможности науки глубже определяются в диалоге между ее направлениями, областями. В последние годы эту предпосылку категоризации все чаще объясняют с учетом ценностных векторов и гносеологических приоритетов ([21]; см. также о «пересборке эпистем» [9, с. 55]).

Соответственно отметим три основных линии категоризации. Первая – взаимная опора на понятийный аппарат, выявляемая в «категориальном диалоге». Значимость лингвистического представления объекта подтверждается опорой на него в смежных областях. Так, в политологии определяются лингвистические различия между немедийными и медийными репрезентациями, выявляются соответствующие междисциплинарные перспективы [19]; в науке о литературе политическая коммуникация может рассматриваться как специально выделенный раздел литературоведческой проблематики (см. показательный материал: [17, с. 37–39]); в культурологии привлекается лингвистическая характеристика «политических» концептов ([22]; см. также обобщения: [2]); в социологии намечаются лингводискурсологические критерии идентичности [8]; общая коммуникативистика нацелена на системное использование лингвистических данных даже в осмыслении имманентной, изначальной специфики политической коммуникации, причем с упоминанием достоинств ее немедийной репрезентации [24]. Такая востребованность лингвистических понятийных координат соответствует современной методологии объекта [18].

С данной, первой, линией категоризации соотносим вторую. Это многомерное осмысление все более сложных способов самоорганизации в объектном пространстве политической лингвистики. Такое осмысление возможно на основе представлений о принципах «спонтанной самоорганизации...» [7, с. 82]. Исследователь детерминирует их связь с расширением методологической базы лингвистики, с тем, что «взаимодействие... научных направлений привело к формированию трансдисциплинарного, целого ряда междисциплинарных и комплексного подходов к изучению функциональной стороны языка» [7, с. 82]. Для избранного материала значимы положения о разнообразном проявлении самоорганизации: лингвопрагматическом [12], лингводискурсологическом [4], лингвоконцептологическом [3], [10].

С двумя названными линиями категоризации органически соотносится третья. Это обновление категориальных координат освещения вполне определенных феноменов, в том числе интенций политической коммуникации, культурем, «голосов» политических акторов. Данная линия категоризации представлена, например, в двух разделах коллективной монографии «Отражение этнокультурной специфики народа и индивидуальные особенности личности в языке и речи» [1]: «Особенности реализации принципов коммуникации в английской лингвокультуре», «Полифония как феномен, интегрирующий общую этнокультурную и индивидуально-личностную специфику».

Единство различных линий категоризации, на наш взгляд, соотносится с динамикой самого понятия

полифонии. В ее понимании отражается многообразие возможных связей между «голосами». Этот подход последовательно развивается в трудах Игоря Жагара, прослеживающего эволюцию данного понятия: «Дюкро вводит термин **полифония**, заимствованный у Бахтина, и обобщает его до уровня языковой системы как целого. Что же такое полифония в смысле Дюкро?.. Дюкро полагает, что “говорящий”, в том смысле, как его понимает традиционная лингвистика, является на самом деле очень сложным (и запутанным) понятием, которое объединяет в себя несколько совершенно различных идей. Поэтому он предлагает различать между собственно автором (producer) высказывания, ответственным за высказывание, или локутором (locutor), и собственно высказывающимся, или “произносящим” высказывание (utterer)» [5, с. 69–70] (выделено нами. – А. Ф.). На материале пространства политической коммуникации такой статус отправителей речи оговаривается в трудах, посвященных «точкам зрения», авторским модусам (см. обзор: [16]).

Шесть групп материала, различаемых по характеру соотношения голосов, приводятся в своеобразной очередности, отвечающей специфике данной коммуникации. Группы объединяются попарно, общее в каждой из трех пар – «политическая направленность» голоса, различное – степень развернутости. А последовательность рассмотрения пар определяется нарастанием сложности отношений между голосами.

Крайне условно можно соотнести такую группировку с типами общеязыковых оппозиций, например, в рамках пар – с бинарной эквиополентной и привативной.

Обратимся к первой группе. В соответствующем объемном контексте речи британского премьер-министра на партийной конференции тори полифония представлена однонаправленностью. «Голоса», по сути, вторят друг другу, что усиливается их внешним различием. Отправитель речи, политик М. Тэтчер, при этом использует и интимизацию, принципиальную для немедийной сферы.

Таковы ряды «голосов»: «At our party conference last year I said that the task in which the government were engaged – to change the national attitude of mind... There is just Denis and me, and I could not do without him <...> For a start, in his first budget Geoffrey Howe began to rest... In the past 12 months Geoffrey has abolished exchange. <...> As you said, Mr Chairman, our debates have been stimulating and our debates have been constructive».

Объемный и емкий дискурс позволяет соединить два вида голосов: собственно речевое проявление и представленную «голосом» политическую позицию, акцию, интенцию, ср.: I said – As you said, Mr Chairman; began to rest has abolished exchange. Второй вид голоса, т.е. политическая акция, обладает перформативным потенциалом. Оглашенные высказывания, дискурс определяются как сверхречевое решение, которому следует правящая партия в практической деятельности, правовых проектах. Соотносятся, выражаясь условно, сложные феномены: дискурс как поступок и поступок как дискурс, притом что каждая из образующих сущностей обладает собственными феноменологическими возможностями.

Самоценность двух приведенных рядов усиливает их системную связь.

Отметим, что этой системной связи сопутствуют две черты. Первая – разнообразие семантических отношений, включая ассоциативно-деривационные. Этой закономерной корреляцией объяснимо использование в приводимых рядах единиц типа: to change the national attitude – has abolished exchange.

Вторая черта – вышеуказанная интимизация. Таково именование просто по имени, без фамилии, мужа, Денниса Тэтчера (с будущим супругом, кстати, Маргарет Робертс в феврале 1951 г. познакомилась именно на партийной встрече). Представление ассоциации с бесспорно счастливым браком также показательно для немедийной коммуникации и потенциально участвует в полифонии. Еще важнее отождествление имени, которое в принципе носят миллионы, с личностью единственной (и неповторимой). Так неявно и оттого особо эффективно помечается тесная, усиленная ономаσιологическая общность «круга своих».

В этой же системе определяется и ряд Geoffrey Howe – Geoffrey. Для медиативированной политической коммуникации такая репрезентация несистемна. Но в первозданной, домедийной политической коммуникации этот ряд с «бесфамильной» номинацией, самоочевидной для «своих», осуществляет особыми средствами ту же сверхфункцию лингвопрагматической результативности, которая в медиа выполняется иными способами.

Не следует, однако, абсолютизировать и внешние различия между медийным и немедийным пространствами, как и в некоторых иных случаях, рассматриваемых далее. Так, традиционным, универсальным способом, регулярным и в медиа, передается высокоактуальная кореферентность в исследуемом материале: Conservatives – Tories. Данная принципиальная, «возвышающая» самоидентификация в то же время вступает в системные отношения с вышеотмеченными особыми немедийными средствами полифонии и потому обладает спецификой.

Подчеркнем также, что доминирование Тэтчер-лидера самоочевидно, ее самобытный голос внешне самодостаточен, но при этом в исследуемом пространстве политическая коммуникация без явного многоголосия немыслима по сути, внутренне. Однако на глубинном слое голоса в проиллюстрированной первой группе материала представлены как унисон.

Во второй группе наблюдается то же соотношение голосов в полифонии, однако в данном случае дискурсивное пространство является сжатым, а не объемным. См.: «Jim Prior has carried all these measures through with the support of the vast majority of trade union members... British Aerospace will soon be open to private investment».

По-видимому, такие явления намечают системную предельность, минимальную сферу, где могут взаимодействовать различные голоса. Сам же факт полифонии определяет вторую группу как своего рода парное соответствие первой. Путем манифестации голоса субъекта, особо компетентного в сложившейся ситуации (Джима Прайора), отправитель речи выявляет актуальное знание для «своей» аудитории и «вклинивает» свое видение ситуации в более

широкий социально-политический контекст (ср.: [16, с. 65]).

Двуединство первой и второй групп материала, с доминантой «унисона», позволяет ожидать и более сложную полифонию. Ожидание оправдывается – об это свидетельствуют далее рассматриваемые группы.

Обратимся к третьей и четвертой группам материала – в этой паре явлений, в отличие от предыдущей, соединение голосов в полифонию организовано несколько сложнее. Третья группа – сочетание различных голосов по принципу амплификации, осложненное экспрессивными средствами. См. фрагмент с «кольцующим» голосом М. Хэзлтайна и итоговым авторитетным гласом Э. Идена, который репрезентирован цитатой: «Michael Heseltine has given to millions – yes, millions – of council tenants the right to buy their own homes. It was Anthony Eden who chose for us the goal of “a property-owning democracy”».

Полифония, значимая для политической коммуникации, реализуется в единстве модусов оценки ситуации. Системно значима для полифонии экспрессивная вставка к голосу Хэзлтайна «yes, millions»: без нее значительно слабее голос отправителя речи, М. Тэтчер. (Причем здесь объективно проявляется континуальная специфика полифонии, поскольку как раз Хэзлтайн со временем стал «политическим могильщиком» Тэтчер, именовавшей его спустя годы предателем.)

Именно полифония как единство позволяет обеспечить цельность в характерном для политической коммуникации умножении модусов. См. весь относительно завершенный контекст: «Michael Heseltine has given to millions – yes, millions – of council tenants the right to buy their own homes. It was Anthony Eden who chose for us the goal of “a property-owning democracy”. But for all the time that I have been in public affairs, that has been beyond the reach of so many, who were denied the right to the most basic ownership of all – the homes in which they live. They wanted to buy. Many could afford to buy. But they happened to live under the jurisdiction of a socialist council, which would not sell and did not believe in the independence that comes with ownership. Now Michael Heseltine has given them the chance to turn a dream into reality».

Четвертая группа материала – такое же парное соответствие третьей, каким вторая была для первой.

При этом внешне четвертая группа представлена относительно однопланово – определяется анафорой, скрепляющей шесть высказываний. См.: «You can add that today many more married women go out to work. You can stress that, because of the high birthrate in the early 1960s, there is an unusually large number of school leavers this year looking for work and that the same will be true for the next two years. You can emphasise that about a quarter of a million people find new jobs each month and therefore go off the employment register. And you can recall that there are nearly 25 million people in jobs compared with only about 18 million in the 1930s. You can point out that the Labour party conveniently overlooks the fact that of the 2 million unemployed for which they blame us, nearly a million and a half were bequeathed by their government».

Отправитель речи представляет голоса однопартийцев: «you» единообразно и в то же время диффе-

ренцированно. Первым же предикатом – add – задана прагматическая действенность их «формируемой» речи.

Тэтчер наделяет собеседников наведенными ею семантико-прагматическими смыслами. И классическая анафора определяется, образно говоря, как единичное в двух смыслах: лингвистическом и политическом.

Подобные контексты глубоко и просто обнажают сложную связь между обобщенностью и конкретностью. Каждый голос актуален, необходим сам по себе (это актуализировано и системной связью с предыдущими репрезентациями голосов Хэзлтайна, Идена и других. Возможно, оттого и не стал шестикратный повтор монотонным, нудным). Но нужна и обобщенность. А еще – ее единство с конкретностью. Достичь такого сочетания можно только представленной полифонией. При этом многогранность позиций раскрывается специфическим многоголосием единомышленников, которое в вышеотмеченных фрагментах фиксировано особым рядом: discuss – debates («our debates have been stimulating and our debates have been constructive»).

Однако даже для рассматриваемой, относительно камерной коммуникации этих линий полифонии не вполне достаточно.

Ожидается дальнейшее обогащение, и оно проявляется в следующих контекстах, побуждающих выделить еще одну пару групп: пятую и шестую.

В пятой группе материала голоса взаимодействуют таким образом, что полифонией представлено прагматическое упреждение нежелательного развития событий. Такова связь «своих» и в то же время критических голосов в центральной и заключительной позициях следующего фрагмента: «I suppose it is a critic's way of saying, “Well, we know it is true, but we have to carp at something”. To those waiting with bated breath for that favourite media catchphrase, the “U” turn, I have only one thing to say. “You turn if you want to. The lady's not for turning”. I say that not only to you but to our friends overseas and also to those who are not our friends.

<...> Their only question is: “Has Britain the courage and resolve to sustain the discipline for long enough to break through to success?” Yes, Mr Chairman, we have, and we shall».

Пара к пятой группе представляет своеобразный полифонический баланс. Шестая, замыкающая группа материала, которой иллюстрируется рассматриваемая полифония, – наиболее сложное взаимодействие голосов в рассматриваемом материале. Лидер на съезде однопартийцев приводит и голоса идеологических противников, а именно советских политиков. В частности, представлен премьер-министр (председатель Совета министров) СССР А.Н. Косыгин. См.: «Yet it was Mr Kosygin who said, “No peace loving country, no person of integrity, should remain indifferent when an aggressor holds human life and world opinion in insolent contempt”. We agree. The British government are not indifferent to the occupation of Afghanistan. We shall not allow it to be forgotten. Unless and until the Soviet troops are withdrawn, other nations are bound to wonder which of them may be next. Of course there are those who say that by speaking out we are complicating east-west rela-

tions, that we are endangering detente. But the real danger would lie in keeping silent».

Британский лидер воспроизводит голос «лидера-оппонента». В речи Тэтчер использован имплицитный антифразис в единстве с иными прагматико-риторическими эффектами. Ее согласие «We agree» семиотически выступает как голос резкого возражения, что поддерживается контекстом.

Такую особенность относим к сфере «переиначивания». Причем приведенный «перехват голоса» в аспекте прагматического результата неоднозначен. Упоминание о советских войсках в Афганистане объективно ассоциируется с неявной репрезентацией многочисленных британских военных операций за пределами далеко от Англии и уравнивает в этом плане две державы, соответственно – два голоса. В подобном контексте неизбежен оттенок саморазоблачения. (Мощь Британии неявно репрезентируется как баланс мощи СССР, см. далее: «...militarily the Soviet Union is a powerful...».) Вопрос о том, насколько предусмотрен такой сложный прагматический эффект, требует специального анализа.

Итак, для исследуемых материалов показательна полифония, соответствующая двум интенциям. Она, во-первых, направлена на усиление определенной позиции, смысловой установки за счет «созвучных голосов», один из которых отправитель речи стремится соотнести с авторитетными источниками различного характера. С этой интенцией взаимодействует другая – представление контрастных установок, диссонирующих голосов, что, как правило, нацелено сформировать, укрепить доверие к одной из позиций. Ансамбль различных «Я» творится голосом-лидером, голосом-архитектором. Причем в случае расхождения с требованием достоверности полифония может способствовать саморазоблачению автора. В перспективе возможно соотнести эту особенность с феноменом амбивалентной языковой личности.

Соответственно в немедийном пространстве политической коммуникации «переиначивание» проявляется первоначально – особыми способами, специфично, но значимо, как и в медийной сфере. Таким образом, подтверждается предположение о расширенной объяснительной силе корреляции «событие – факт – оценка», которую может репрезентировать полифония. Принципиально значима политическая сущность коммуникации, а явленческие различия медийного и немедийного пространств дополняют эту сущность. Именно отсюда вытекает внутреннее единство феномена полифонии в двух достаточно различных пространствах.

Литература

1. Боева-Омелечко, Н.Б. Отражение этнокультурной специфики народа и индивидуальных особенностей личности в языке и речи / Н.Б. Боева-Омелечко; науч. ред. М.Я. Блох, отв. ред. Н.Б. Боева-Омелечко. – Ростов-на-Дону: ПИ ЮФУ, 2010. – 240 с.
2. Борисенко, В.А. Дискурс политики XXI века как лингвокультурное пространство / В.А. Борисенко. – Ростов-на-Дону: ПИ ЮФУ, 2010.
3. Воркачев, С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2008. – 200 с.
4. Горбачева, Е.Н. Аксиологическая основа стратегического перформативного дискурса в русской и английской

лингвокультурах / Е.Н. Горбачева // Мир языковых форм: Москва; Санкт-Петербург: РАН; Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений Минобороны РФ, 2015. – Серия «Концептуальный и лингвальный мир». – Вып. 8. – С. 193–196.

5. Жагар, И. Аргументация в языковой системе: между частицами и полифонией / И. Жагар // Критика и семиотика. – Пермь; Любляна: ПГУ; Люблянский ун-т, 2000. Вып. 1–2. – С. 68–80. См. также: Бахтин, М.М. Слово в романе / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Искусство, 1975. – С. 72–233; Zagar, I.Z. From reported speech to polyphony, from Bakhtin to Ducrot. In Bakhtin and the Humanities, Proceedings of the International Conference, October 19–21, 1995. – Ljubljana: ZIFF, 1997; Ducrot O. Le dire et le dit. – Paris: Minuit, 1984; Ducrot O. Slovenian lectures / Conferences slovenes. – Ljubljana: ISH, 1996.

6. Зекрист, Р.И. Детерминированный хаос – параметр порядка культуры будущего (бивалентность кризиса) / Р.И. Зекрист // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. – 2011. – № 4. – С. 81–88.

7. Котурова, М.П. Некоторые социально-научные задачи функциональной стилистики / М.П. Котурова // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: ПГНИУ, 2012. С. 81–84.

8. Кресова, Н.А. Негативный «другой» в блогах русских эмигрантов: к вопросу о формировании идентичности в дискурсе / Н.А. Кресова // Социс. – 2015. – № 6. – С. 116–125.

9. Лебедев, С.А. Пересборка эпистемологического / С.А. Лебедев // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 53–64.

10. Ма Чуньюй. Концепт «правда» (по данным национального корпуса русского языка) / Ма Чуньюй, Чжан Цзяцзюнь // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 2. – С. 51–55.

11. Манаенко, Г.Н. Событие – факт – оценка // Язык. Текст. Дискурс / Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: СКФУ, 2014. – Ч. 1. – С. 64–73.

12. Морозов, Д.В. Негативный прогноз как форма скрытого призыва / Д.В. Морозов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 1. – С. 50–53.

13. Москвин, В.П. Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения / В.П. Москвин. – Москва: URSS, 2015.

14. Непшекуева, Т.С. Проблемы монокультурной / кросс-культурной коммуникации / Т.С. Непшекуева // Язык. Личность. Культура. – Краснодар: КубГУ, 2015. – С. 455–459.

15. Пономарев, Н.Ф. Основы медиарилейшнз / Н.Ф. Пономарев. – Пермь: ПГНИУ, 2013. – 250 с.

16. Постевая, Е.В. Интродуктивные предикаты как прагматический способ ввода достоверной информации в репортажном высказывании (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / Постевая Е.В. – Ростов-на-Дону, 2015. – 177 с.

17. Прохорова, Т.И. Есть ли пророки в своем отечестве / Т.И. Прохорова // Вопросы литературы. – 2015. – № 2. – С. 32–51 (раздел «Политический дискурс»).

18. Розин, В.М. Расколдовывание и деконструкция понятия «объект» (методологический анализ) / В.М. Розин // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 41–52.

19. Фесенко, Ю. «Свобода слова» и геополитика вражды: к постановке проблемы / Ю. Фесенко // Медиакommunikation в XXI веке: императивы, вызовы, перспективы. – Донецк: ДНУ, 2015. – С. 25–28.

20. Фомин, И.В. Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания / И.В. Фомин // Полис. – 2015. – № 3. – С. 72–84.

21. Чернявская, В.Е. Ценностное измерение науки / В.Е. Чернявская // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: ПГНИУ, 2014. – С. 128–135.

22. Чеснокова, Л.В. Репрезентация концепта *zuverlässigkeit* (надежность, ответственность) в немецкой лингвокультуре / Л.В. Чеснокова // История, философия, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Москва; Тамбов: РАН; Грамота, 2015. – № 6 (56). – Ч. 2. – С. 201–207.

23. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. – 238 с.

24. Шарков, Ф.И. Основы теории коммуникаций / Ф.И. Шарков. – Москва: РГГУ, 2013. – 256 с.

25. Luhmann, N. Die Realitat der Massenmedien / N. Luhmann. – Tubingen, 1996. – S. 9.

26. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург: РАН, 2010. – 1536 с.

27. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Флинта, 2009. – 876 с.

28. Англо-русский словарь. Русско-английский словарь / под ред. О.С. Ахмановой и Е.А.М. Уилсон. – Москва: Книга, 2003. – 1416 с.

29. Collins Cobuild Student's Dictionary. – L.: Harper Collins Publishers, 2010. – 832+222 p.

30. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / by A.S. Hornby. – Oxford: University Press, 1994. – 1040 p.

Рецензенты: Л.Г. Яцкевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

С.А. Громыко, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

A.L. Faktorovich

“VOICES” INTERACTION IN THE POLYPHONY OF NON-MEDIA POLITICAL COMMUNICATION

The article presents a study of polyphony in non-media political communication. The types of special polyphonic correlations are systematized. The presuppositions of “voices” interaction are characterized in connection with pragmatic directions. Implicit senses are mentioned as relevant and typical feature of non-media sphere, and the semantic capacity is described according to political priorities.

Voice, implicit sense, construction, contrast, correlation, non-media, political communication, polyphony, opposite.

УДК 811.161.1

В.И. Чуглов

Вологодский государственный университет

ОБРАЗОВАНИЯ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ В СОСТАВЕ ДРУГИХ ОБРАЗОВАНИЙ, ОСЛОЖНЯЮЩИХ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В работе предпринята попытка рассмотреть известные осложняющие в структурном плане образования (конструкции) на предмет осложнения их самих образованиями (конструкциями) с однородными членами.

Однородные члены, пояснительно-отождествительные конструкции, синтаксические конструкции, сопряженная неполная предикативность, структурно-семантическое осложнение.

Выражение «синтаксическая конструкция» имеет в русистике разные употребления. Нередко оно понимается в очень широком смысле как любое сочетание слов, иногда с теми или иными ограничениями: «Синтаксический блок из нескольких языковых единиц и рассмотренный в плане его формальной организации. Термин употребляется для обозначения самых разных явлений – от словосочетания до предложения (ср. термины: предложно-падежные конструкции, деэпри-

частные конструкции, пассивные конструкции, бессоюзные конструкции и т.д.)» [3, с. 127], в узком смысле он предстает как та или иная синтаксическая структура с ее грамматическим значением и функцией или функциями. Например, синтаксическая конструкция – «это относительно самостоятельное неделимое на части без потери общего значения и оформленное по некоторой структурной схеме синтаксическое единство <...> привести пример той или иной конст-